

Д. А. Пригарина, Л. Н. Корнилова
D. Prigarina, L. Kornilova
г. Челябинск, ЮУрГУ
Chelyabinsk, SUSU

**ЭКСПРЕССИВНЫЙ СИНТАКСИС В ПОЭЗИИ БОРИСА РЫЖЕГО КАК
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИДИОСТИЛЯ**
**EXPRESSIVE SYNTAX IN BORIS RYZHY'S POETRY
AS A REPRESENTATION OF AN IDIOSYNCRASY**

Аннотация: Экспрессивные синтаксические единицы как текстообразующий элемент воплощают мотивы и настроение стихов Бориса Рыжего. Фигуры речи, организуя поэтический текст, становятся репрезентантами авторского стиля. В статье рассматриваются такие единицы экспрессивного синтаксиса, как инверсия, риторическое обращение и антитеза, которые являются отличительной чертой идиостиля поэта.

Ключевые слова: экспрессивный синтаксис; идиостиль; риторические фигуры; поэзия; Б. Рыжий.

Abstract: Expressive syntactic units as a text-forming element embody the motifs and mood of Boris Ryzhy's poems. Figures of speech, organizing the poetic text, become representatives of the author's style. The article examines such units of expressive syntax as inversion, rhetorical conversion and antithesis, which are a distinctive feature of the poet's idiosyncrasy.

Keywords: expressive syntax; idiostyle; rhetorical figures; poetry; B. Ryzhy.

Изучение идиостиля – актуальное направление филологических исследований. Ученые рассматривают художественные тексты как воплощение авторского стиля. Описание экспрессивных синтаксических единиц в поэзии Б. Рыжего можно отнести к подобным работам.

Объектом исследования выступают экспрессивные синтаксические единицы, представленные в поэтических текстах Б. Рыжего. Предметом изучения являются семантические, грамматические и стилистические особенности названных единиц. Материалом для исследования послужили стихи Б. Рыжего из сборника стихотворений «В кварталах дальних и печальных», составленного Т. Бондарук и Н. Гордеевой. Выбранный для анализа сборник является наиболее полным собранием сочинений Б. Рыжего.

В отечественном языкознании интерес к реализации экспрессивности в тексте появился в 50-х годах XX века в работах многих заслуженных лингвистов: В. В. Виноградова, В. А. Звегинцева, В. Г. Гака, М. Н. Кожиной, О. С. Ахмановой и других.

В качестве рабочего взято определение экспрессивного синтаксиса, данное В. В. Виноградовым, так как этот подход представляется наиболее убедитель-

ным. Экспрессивный синтаксис – это совокупность синтаксических средств, используемых для выражения эмоциональной окраски, подчеркнутой выразительности и стилистической окраски высказывания [1, с. 5]. Лингвист делает акцент на том, что экспрессивный синтаксис является в первую очередь совокупностью средств, которые зафиксированы, четко обозначены и служат одной цели – подчеркнуть выразительность и стилистическую окраску высказывания.

Экспрессивный синтаксис находит свое выражение в экспрессивных синтаксических единицах – риторических фигурах. Риторические фигуры (фигуры речи) – это «обороты речи, синтаксические построения, усиливающие выразительность высказывания» [2, с. 5]. Это определение подчеркивает основную целевую установку риторических фигур – придать эмоциональную окраску тексту. Риторические фигуры являются средством выражения экспрессивного синтаксиса, усиливают воздействие на адресата, читателя.

В науке не существует единой классификации риторических фигур. Первым упорядочить экспрессивные единицы пытался древнеримский учитель красноречия Марк Фабий Квинтилиан. Изучением риторических фигур занимались такие ученые, как М. В. Ломоносов, Н. Ф. Остолопов, Ю. М. Скребнев, В. П. Москвин, А. А. Волков, М. Л. Гаспаров и др.

Для анализа материала в исследовании была использована классификация, получившаяся в результате объединения систем А. А. Волкова и М. Л. Гаспарова. Классификация включает в себя 15 риторических фигур: анафору, эпифору, параллелизм, антитезу, бессоюзие, многосоюзие, парцелляцию, эллипсис, градацию, инверсию, хиазм, оксюморон, а также риторический вопрос, восклицание и обращение.

Риторические фигуры в художественном тексте, включая поэтический, используются для добавления высказыванию выразительности. Их следует учитывать как одну из особенностей идиостиля.

Мотивы и настроение стихов Б. Рыжего находят репрезентацию в языковых единицах, среди которых важными являются риторические фигуры как текстообразующие единицы. В одном стихотворном произведении сочетаются разные по функциональной нагрузке риторические фигуры, которые работают на одну цель – создание экспрессии.

Из 481 стихотворения из сборника «В кварталах дальних и печальных» выявлено 790 наиболее частотных риторических фигур, в число которых вошли инверсия, риторическое обращение и антитеза.

Инверсия – наиболее представленная риторическая фигура (357 употреблений, что составляет 45 % от общего количества выявленных частотных фигур речи). Смысловое назначение этой фигуры заключается в выделении каких-либо слов и фраз в предложении и в общем потоке текста. Их использование связано с нарушением традиционного порядка слов, благодаря чему автор привлекает внимание к выделенной единице, что усиливает её значимость, повышает информативность как единицы, так и ее текста. Таким образом увеличивается эмоциональная нагрузка единицы и возрастает экспрессивность высказывания.

Хочется позвонить

*кому-нибудь, есть же где-то
кто-нибудь, может быть...*

<...>

*Только забыты все
старые телефоны...*

Хочется позвонить, 1995 г.

Герой страдает от тоски по человеческому общению. Инверсия в предложении *Только забыты все старые телефоны* смещает смысловые акценты. Порядок следования членов предикативной основы нарушен, предложение начинается со сказуемого. Забыты не только старые телефоны, но и друзья, возлюбленные. Автору важно передать сам факт того, что все забыто.

Для подтверждения значимости инверсии в раскрытии авторского замысла рассмотрим это же предложение, но лишим его заложенной автором инверсии: *Только все старые телефоны забыты.*

Предложение, соответствующее традиционной структуре, содержит только фактологическую информацию о телефонах, теряет выразительность, не оказывает чувственного воздействия на читателя, не побуждает его к эмоциональному включению. Отсутствие инверсии лишает предложение ритмичности, заложенного автором смысла, нивелирует индивидуальное авторское восприятие действительности, лишает текст субъективного осмысления. Инверсия не только придает предложению экспрессивности, но и создает новые смыслы.

Риторическое обращение употребляется 238 раз, что составляет 30 % от общего количества описанных единиц. В качестве риторических обращений используются имена реальных людей, окружавших поэта, реальные обращения к ним. В жизни поэта главную роль всегда играли друзья, жена Ирина, сын Артем. Значимость их образов отразилась в поэтическом мире писателя, к близким людям он мысленно обращается в моменты ностальгии и раскаяния в строках своих произведений. Риторические обращения помогают автору воздействовать на чувства и мысли аудитории, побуждая ее к определенным размышлениям.

*...В пачке осталось четыре окурка –
видишь, **мой друг**, я большой эконо.*

<...>

*Нет, мне нужней прикурить одиноко,
взором скользнуть по фабричной трубе,
белою ночью под окнами Блока,
друг дорогой, вспоминать о тебе!*

Над головой облака Петербурга, 1997 г.

Это произведение сопровождается посвящением «О. Дозморову», а прием риторического обращения передает отношение автора к герою стихотворения, которого он нарекает *мой друг*, *дорогой друг*. Олег Дозморов – поэт и литературный критик, близкий друг Б. Рыжего. Риторические обращения создают некую интимность стихотворения, придают ему камерное звучание. К тому же использованная экспрессивная единица выступает как прием привлечения внимания читателя к размышлениям о личности адресата.

Следующей по частоте использования является **антитеза** (195 употреблений – 25 % от числа исследованных единиц). Стилистическая фигура антитезы строится на резком противопоставлении взаимоисключающих понятий, образов, характеров. Она отражает поэтику двоемирия Б. Рыжего, которая реализуется в контрасте описанных поэтом явлений.

*Воруют все: **помногу и помалу**.*

*Воруют все: **и умный, и дурак**.*

Из цикла «Отрывки», 1993 г.

Языковая антонимия *помногу – помалу* демонстрирует диалектическое единство противоположных понятий и связанных с ними образов. Языковая антонимия является ярким стилистическим приемом, создающим эмоциональное настроение стихотворения, придающим экспрессивность тексту, организующим художественный образ.

Слова *помногу и помалу*, как и *умный и дурак*, являются однородными членами предложения, эти слова связаны обобщающим местоимением *все*, которое выражает единое значение однородных членов предложения не только на смысловом уровне, но и на грамматическом, в чем раскрывается идея того, что разные люди способны на воровство.

Инверсия, антитеза и риторическое обращение являются наиболее частотными риторическими фигурами в поэзии Бориса Рыжего не случайно. Каждая из них выполняет важную выразительную функцию, служит передаче глубоких личных переживаний, внутренней борьбы и обостренного восприятия действительности.

Инверсия позволяет поэту в результате отступления от традиционного порядка слов усилить эмоциональное напряжение текста, создать особую интонацию, сделать высказывание более выразительным. Антитеза помогает отразить контрасты жизни, внутренние противоречия героя и драматизм бытия. Риторическое обращение придает стихам исповедальный тон, усиливает диалогичность текста и вовлекает читателя в эмоциональное пространство лирического субъекта.

Эти фигуры становятся неотъемлемой частью авторского стиля Б. Рыжего, придавая его поэзии искренность, напряженность и художественную глубину. Цель применения указанных риторических фигур – передать читателю ощущение ностальгии и тоски по прекрасному прошлому.

Таким образом, фигуры речи не только служат средствами выразительности и эмоционального воздействия на читателя, но и способствуют отражению и наиболее полному пониманию поэтического мира и индивидуального стиля автора.

Библиографический список

1. Виноградов, В. В. Из истории изучения русского синтаксиса : учебное пособие / В. В. Виноградов. – М. : Изд-во МГУ, 1958. – 174 с.
2. Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. От аллегории до ямба / сост. Н. Ю. Русова. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 301 с.